

ФАНТАСТИКА
Альтернативная история

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ЦАРЬ ФЕДОР

Еще один шанс...

ЦАРЬ ФЕДОР

Орел расправляет
крылья

РОМАН ЗЛОТНИКОВ

ЦАРЬ ФЕДОР
Орел расправляет
крылья

МОСКВА 2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-68

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

При оформлении переплета использована работа
художника *В. Нартова*

Злотников, Роман Валерьевич.

3-68 Царь Федор. Орел расправляет крылья / Роман
Злотников. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-04-097956-1

Благодаря тому, что в тело сына Бориса Годунова, царевича Федора, вселилось сознание успешного российского бизнесмена, история Средневековой Руси, да и всего мира, пошла совсем по иному сценарию. Юный царь Федор не погиб в малолетстве, а вырос и возмужал. Сумел избежать Смуты, избавиться от угрозы набегов татар-крымчаков, а главное — внедрить в подвластном ему государстве технологии будущего...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097956-1

© Злотников Р.В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*С искренней благодарностью
за помощь в работе над романом
Борису Юлину, а также Яне Боцман
и Диме Гордевскому, известным
как писатель Александр Зорич.*

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Покой нам только снится

1

— Государь?

Я поднял голову. На пороге моего кабинета, отворив дверь, стоял патриарх Игнатий. Святейший Иов дожил до великой победы в Южной войне и отошел в мир иной, успокоенный тем, что Русь наконец окончательно избавлена от крымской угрозы. Последние полгода он начал слепнуть, а сразу после заключения перемирия и отправки великого посольства к турецкому султану для подписания мирного договора захворал и начал быстро слабеть. Верно, в последнее время оставаться сильным и энергичным ему помогало только осознание того, что Русь ведет тяжкую и почитай священную для страны войну, в коей все должны держаться изо всех сил и стойко нести возложенное на них Господом и государем бремя. А как стало ясно, что дела вроде как пошли на лад, — эта державшая его железная воля ослабела, и уже порядком изношенный организм начал давать сбои. Он ушел тихо и мирно, заснув вечером в своей келье, а утром служка обнаружил его уже бездыханное тело. Мне было немного обидно, что я так и не попрощался со стариком, по-

сколько все лето мотался по причерноморским и приазовским степям, обустривая новую южную границу. Но — лучше уж уйти так, чем страдая и мучаясь. Святой был человек, недаром Господь послал ему столь легкую смерть...

— Заходи, святейший, — ответил я, поднимаясь ему навстречу.

Новый патриарх был одним из трех человек, коим я даровал право входить в мой кабинет без доклада. Так же как Иов был верен моему отцу, так и Игнатий был верен мне, ибо точно знал, что лишь благодаря мне он, иноземец по рождению, да к тому же пользующийся в церкви не столь уж большим авторитетом, был избран на сей высокий пост. Например, митрополита Казанского Гермогена, человека действительно мощного, волевого и до предела преданного православию и церкви, на Поместном соборе поддерживало куда больше народу. Были и другие сильные кандидаты. Но я сумел продавить кандидатуру Игнатия, лично переговорив с несколькими десятками наиболее авторитетных иерархов и напомнив собору, что Игнатий «стоял вмести» со мной во время поединка с колдуном-Самозванцем. Поединок тот уже стал абсолютной легендой, обросши таким количеством всяческих слухов и сплетен, что правда оказалась похоронена под их многометровым слоем... Потому что сейчас мне нужен был именно такой патриарх — послушный, гибкий, предпочитающий не столько обеими руками и зубами держаться за древние каноны и установления, сколько способный реально реформировать церковь. Ибо, на мой взгляд, православная, то есть са-

мая древняя, изначальная христианская церковь на данном этапе заметно проигрывала и католицизму, и бурно распространяющемуся сейчас протестантству. А для меня православие было не только самым корнем, духовной основой русского народа, но еще и сильным ресурсом русского государства.

Православная церковь должна была стать мощным инструментом распространения его влияния в мире, так же как и это самое государство должно было всемерно способствовать возрождению влияния православия. Но пока этот инструмент, несмотря на всю свою глубинную, скрытую мощь, был тяжел, неповоротлив, весь в заусенцах суеверия, незнания и рефлекторного отвращения к новому. Так что его предстояло хорошенько перековать. И потому сейчас мне нужен был во главе церкви человек, который будет не только *наставлять меня*, как с точки зрения церкви, веры и древних традиций следует в том или ином случае поступать государю, и защищать передо мной интересы митрополитов, епископов и игуменов многочисленных монастырей, а, наоборот, проводить в церкви *мою* политику. И добиваться от церкви изменений в соответствии не столько с теми задачами, которые буду ставить ей я (ну кто я такой, чтобы ставить задачи тому, что имеет за собой опыт тысячелетий?), сколько с теми, что уже поставил перед ней этот меняющийся и начинающий динамично, невиданно для всех предшествующих тысячелетий разгоняться мир. И Игнатий стопроцентно отвечал этим требованиям.

Патриарх степенно и солидно вошел в мой кабинет. Вид этого кабинета за последние пять лет пре-

терпел сильные изменения. Во-первых, я обзавелся более привычной мне мебелью, поставив себе нормальный рабочий стол, с диковинными для сего времени выдвижными ящиками, которые, вследствие того что первый вариант ящиков я даже пустыми с трудом выдергивал из своих ячеек двумя руками, были оснащены маленькими бронзовыми колесиками. Чуть впереди, но не примыкая к нему, располагался стол для совещаний, окруженный ввиду полного отсутствия здесь стульев массивными креслами. Я считал, что те, кто заходит в мой кабинет, должны говорить мало, излагать дело быстро и по существу. Поэтому никаких кресел для посетителей не предусматривалось. А если мне надо пообщаться подольше, так лучше я сам выйду из-за рабочего стола и присяду с человеком или с несколькими людьми за стол для совещаний. Лавки остались только вдоль одной из стен. Вдоль второй выстроились железные, но украшенные витой проволокой и эмалью металлические шкапы для бумаг, а также два шкапа деревянных, с открытыми полками, в которых я держал, так сказать, первоисточники — книги древних авторов, Священное Писание, жития, Деяния апостолов и так далее. По современным традициям в деловой и дипломатической переписке требовалось непременно вворачивать в текст цитаты из Священного Писания, и хотя я теперь благодаря обучению в царевой школе многое знал наизусть, иногда требовалось подсмотреть точную формулировку. У дальней стены, как и прежде, располагалась печь, а вот освещение слегка изменилось. Вместо свечей я велел изготовить свечные лампы, оснащенные зер-

калами из полированного серебра. Поскольку стеклянные зеркала в России делать еще не умели. Их вообще умели делать лишь в Венеции, и стоили они просто немерено. За такую сумму, что просили за одно зеркало, во Франции можно было бы купить солидное поместье...¹ Ну, естественно, я сразу же, как услышал эту информацию, тут же сделал стойку. Ибо, вследствие того что наш основной торговый порт Архангельск имел крайне короткий период навигации, в торговле с Европой мне приходилось делать основную ставку на эксклюзивный товар. Так что после того, как я свернул программу массовой стажировки, оставив в каждой стране только по одному своему представителю, в Венеции я оставил аж троих. И велел встать на уши, но сманить-таки несколько мастеров-стекольщиков с острова Мурано. Однако пока результатов не было...

— Пришел ответ от Константинопольского патриарха, государь, — сообщил мне Игнатий и, повинувшись моему жесту, присел в кресло у стола для совещаний.

Я расположился напротив.

— И что он пишет?

— Вот, ознакомься. — Игнатий протянул мне грамоту.

Я быстро пробежал глазами написанный на греческом текст, хмыкнул и вернул грамоту патриарху.

— Ишь как витиевато денег просит... Другой бы сразу и не понял.

---

¹ Реальный факт. Именно после подобного обмена — зеркало на поместье — Людовик XIV повелел заплатить любые деньги, но сманить-таки мастеров из Венеции во Францию. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Игнатий сдержанно рассмеялся. Он был тот еще пройдоха, да к тому же выходцем как раз из той самой стонушей под османами Греции, и все прекрасно понимал.

— Ну... главное, чего мы от него просили, он исполнить согласился, — констатировал я. — А денег — дадим. Деньги есть. Да и отбояриваться тем, что, мол, только эвон отвоевали, — уже невместно. С окончания Южной войны уже пять лет прошло...

За эти пять лет в стране многое изменилось. Была окончательно обустроена южная граница. Вторую крепость на Перекопе решили не ставить, она была не нужна, потому что никаких крымских татар в Крыму больше не было. Жалкие остатки этого народа дружно решили убраться куда подальше, рассеявшись по просторам действительно великой Османской империи. Так что южные границы охраняли две крупные крепости, в которых я держал гарнизоны по пять тысяч человек, и две поменьше — Темрюк, отданный мною донским казакам, уже начавшим перебираться на реку Кубань, и Край, заложенный в устье Дона и занятый малым гарнизоном запорожцев¹. До конца осады Очакова их дожило всего около шести тысяч, и, поскольку Озю-Кале по подписанному мною и Ахме-

---

¹ Общая численность войск, задействованных на обороне засечных черт, в реальной истории на пике достигала 35 тыс. человек, из которых три четверти составляли гарнизоны крепостей и острожков, набранные из городских стрельцов и казаков, а четверть — полевое войско. И это без учета запорожцев и донских казаков, также выполнявших сдерживающую функцию. Здесь же обходятся в три раза меньшим числом, да и регулярно отрывать людей на поддержание в исправном состоянии засечных черт тоже не требуется. Ну и в полон никого не имают...

дом I договору снова переходил османам, я предложил тем запорожцам, что решили перейти под мою руку, построить для них новую крепость. Но Сагайдачный с большинством сотоварищей предпочел сохранить как можно больше независимости и уйти обратно на Сечь. Впрочем, сначала он даже сгоряча предложил мне взять под свою руку Сечь, да и все Запорожье. Но это означало немедленную войну с Польшей. А мне следующая война, едва лишь успели закончить предыдущую, была не нужна. Поэтому я поблагодарил его и сказал, что пока отказываюсь от такого подарка. Он понял. Поэтому расстались мы друзьями, и Петро сказал, что, пока он гетман, ни один казак не вынет саблю из ножен, чтобы идти на Русь. Ну и если православному царю снова понадобятся славные воины, то он знает, где их искать... А кроме того, оставил атаманом над теми, кто решился-таки осесть в новой крепости — Крае, своего ближайшего сподвижника Петра Одинца. Ну, типа, им на турку мимо плыть, так пусть лучше здесь свой сидеть будет, чем неизвестно кто. О крестном же целовании ни он, ни я деликатно решили не упоминать...

Также в Азове были заложены верфи. Я сумел выжать из дивана разрешение русским купцам торговать по всему побережью Черного моря и в Истамбуле, причем на тех же условиях, кои имели до сего момента лишь французские и английские купцы и кои именовались вполне прозрачно «капитуляционными привилегиями», а также добился права заложить в Азове верфи, взамен приняв на себя торжественное обязательство — не строить на них военные кораба-

ли. Я дал его с легким сердцем, ибо отлично знал, какими уродцами выходили первые петровские корабли. Один из моих высших менеджеров, Коля Галанин, был из военных моряков и до того, как послать на хрен наш доведенный до ручки военно-морской флот, успел дослужиться до начальника БЧ. Так вот он как-то рассказал мне, что наши первые кораблики, сделанные неумело и из сырого дерева, разваливались буквально на второй-третий год, в то время как нормально построенные корабли тех лет служили десятилетия. А уже здесь мои ребята из выпускников царевой школы, что отправились с посольствами, подготовили для меня развернутый доклад по современным технологиям кораблестроения и подготовки материалов для оногo. Так что пока в стране не было никакой отработанной системы современного кораблестроения: ни мастеров, ни производства инструмента и корабельной оснастки, не были заложены морильные пруды, а также не было ни моряков, ни штурманов, ни капитанов, ни даже системы их подготовки, — думать о военном флоте было рано. Пусть пока тренируются на торговом...

Но с моряками вопрос мало-помалу решался, ибо я ввел в практику поставку на нанятые моими купцами иноземные суда молодых крестьянских парней для обучения морскому делу. Английские и голландские капитаны брали их очень охотно, поскольку те обходились им совершенно бесплатно, ибо состояли «на царевом коште», включающем не только оплату, но и кормежку. Уже сейчас я имел возможность перебросить на юг около сотни подготовленных матро-

сов. А вот офицерский состав пришлось нанимать из местных крымских и черноморских греков и готов, а также англичан и даже турок. Уж больно быстро росла черноморская торговая эскадра. Впрочем, турок заменяли как можно быстрее. Ибо на азовских верфях строили самый передовой тип современного корабля — голландский флейт, и готовить для турецкого военно-морского флота капитанов, способных управлять такими кораблями, я не собирался. Потом себе дороже обойдется...

Кстати, работающие на моих купцов англичане и голландцы также весьма оценили мою тушенку, но она пока производилась в слишком малых количествах, и большая часть ее шла на армейские склады, поэтому как товар я ее пока не рассматривал. Хотя, обходясь в производстве копеек в семь за двухфунтовую банку, она при продаже тем же голландцам и англичанам по цене уже шестнадцать копеек уходила буквально влет. Так что по поводу нее стоило хорошенько подумать...

Многое изменилось и внутри страны. Так, например, было окончательно налажено печатное дело. В Московской царевой типографии работало уже девять станков, а этажом выше неустанно трудились нанятые за границей граверы. Но уже подрастала и молодая русская поросль, поскольку в стандартный договор, который заключал со мной любой иностранец, обязательно включался пункт о обязательном обучении двух учеников. А подавляющее большинство иностранцев было связаны договорами именно со мной. Никто более не мог предложить лучшие условия, как